

Серия NON-fiction медали-премии им. Ивана Грозного

Максим Савельев

ЭПОХА ВЕЧНОГО ЛЕТА

РАССКАЗЫ

18+

Максим Савельев
Эпоха вечного лета
Серия «NON-fiction» премии-
медали им. Ивана Грозного»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63715532

Эпоха вечного лета: Интернациональный Союз писателей; Москва;

2021

ISBN 978-5-907395-23-7

Аннотация

В этом сборнике отображается широкий спектр эмоций. Почти биографически правдивые истории заставляют смеяться и плакать, удивляться и недоумевать.

Автор так живо передаёт все диалоги и эпизоды, что можно ощутить даже запахи и звуки описываемых мест и событий. Милые, трогательные, но порой и хитрые персонажи настолько живые и по-детски наивные, что вызывают симпатию и сопереживание.

Искромётный юмор, доброта, ностальгия – самые точные и яркие впечатления, которые оставляет эта светлая книга.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Что-то вроде пролога	5
Рассказы	14
Эпоха вечного лета	14
Позитивные негативы	47
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Максим Савельев

Эпоха вечного лета

© Максим Савельев, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

*** * ***

Что-то вроде пролога

Моя бабушка в своё время была очень интересной *мадамой*. В мои два с половиной года ей уже исполнилось сорок с небольшим. Как говорится, красавицей не назовёшь, но была чертовски мила. Слегка вздёрнутый носик, конкретная, отрывистая манера говорить и двигаться. Вся такая ухоженная и подтянутая. Чёрные, в узел затянутые волосы, попа словно орешек, глаза с огнём, немного пухловатые губки, «цокающая», уверенная, но не лишённая женской притягательности походка делали её объектом восхищения многих знающих в этом толк. Но семейное и социальное положение не позволяли ей отвлекаться на различные «нехорошие излишества». В то время мальчиком я был любознательным, развитым и уже умел говорить и читать, наверное, как большинство детей того периода. Бабушка помещала меня в коричневые растянутые колготки, трясла на весу, подтягивая их мне почти до подмышек, сверху надевала зелёные шорты, какую-нибудь маечку, чмокала меня в нос и, слегка шлёпнув по заднице, шла со мной гулять.

Во дворе стоял чуть перекошенный деревянный столик, за которым сидели дяденьки и, ударяя по нему ладошками, что-то громко выкрикивали и смеялись. Мы шли мимо, и мужички, завидя нас, приподнимались со скамеечки, прикладывая руки к своим кепочкам и здоровались с бабушкой.

Бабушка достаивала быстрым кивком учтивых джентльменов, а те в свою очередь улыбались, протягивая мне какие-то пожухлые яблочки и конфетки. Взять что-либо мне редко удавалось, так как бабушка одергивала меня за руку, и мы шли дальше.

– Что это за дяди? – спрашивал я.

– Дураки, – отрывисто отвечала бабушка.

– Почему они дураки?!

– Алкаши потому что! – слышал я в ответ... И тогда мне думалось: «Уу... ну надо же, это АЛКАШИ!». Всю пагубность этого «титула» знать тогда я не мог, но мне было безумно непонятно: почему же они дураки?! Такие добрые! Смеются, конфеты дают. Как так?! Вот это и был один из парадоксов моего далёкого детства... Имелись и другие.

Телосложение у детей не симметрично... Большая голова, тоненькие ножки, пузо и попа, которые могут вдруг вырасти, а могут не вырасти вообще, то и дело возникающие ниткуда прыщи, бородавки на лице, различные коклюши, ветряные оспы особого чувства радости детскому мирозерцанию не прибавляют. И ребёнок, подходя порой к зеркалу, в недоумении пожимает плечами. А ведь детской голове и в самом деле есть отчего опухнуть. Все эти жаргонизмы, половицы, поговорки, притчи, народные мудрости, странные песни, некая неперевожимая игра слов и фраз, наверное, являются причиной детской «башковидной» несимметричности. Как утомительно и странно совсем недавно появивше-

муся на свет человеку от взрослых, внушающих авторитет родных людей постоянно слышать нелепые и непонятные речи... такие как: «валять дурака», «сесть в калошу», «опростоволоситься», «считать ворон» (когда их нет), «тянуть (какого-то) кота за яйца» и прочее... Всё это не только вызывает безусловный интерес у ребёнка, но и удручает одновременно и невероятно! Мне, к примеру, долгое время было непонятно, что такое «алыхроссы». Почему их миллион? И как кто-то их видит из окна? (Песня «Миллион алых роз».) Я очень почему-то тогда их боялся. Или же слова из песни Антонова: «Летящей походкой ты вышла из мая и скрылась из глаз в пелене января»... Это теперь мне понятна высокая поэзия, а тогда... Мало того, слова песни казались странными. Мне слышалось не «в пелене января», а «пеленя твоя». И я думал, и терзался вопросом: что же это за такая *пеленя*, и где она вообще находится? И как она скрыться из глаз посмела?

Много таких примеров, и, конечно, не только у меня одного. Все наверняка помнят что-то подобное. Но это сейчас забавно вспоминать, а тогда?! Это же был тихий ужас, на грани не менее тихого помешательства! А как я рыдал в подушку, когда моя бабушка, беседуя с кем-то по телефону, вдруг сказала: «Ах, как жаль, астраханский арбуз разбился!». Подойдя к ней, я попытался уточнить детали трагедии, но, вопросительно на меня взглянув, бабушка ответила: «Ты чего? Разбился, да и всё тут!» А ведь после просмотра кинокартины про героев-лётчиков «В бой идут одни старики» мой дед

подробно объяснил, кто такой ас. И тогда, лёжа в кровати, я оплакивал этого героя... Как же так, думалось мне, такой парень, ас по имени (или прозвищу, вероятно, для устрашения врагов) Траханский арбуз взял и разбился. Горько было мне, маленькому мальчику, и жалко до слёз этого «траханского» героя-арбуза!

Да... я был сентиментален и любопытен. В свои два с половиной года я почему-то уже умел читать. И читал всё что ни попадя! Всё, что кем-то и где-то было написано... Я читал надписи на заборах, сказки Андерсена, различные руководства по эксплуатации всякой бытовой техники, состав творога и кефира. И это моё умение (всех умиляющее) в итоге превратилось в манию... У деда была неплохая библиотека, и к девяти годам я прочёл всё, что было возможно. Опустим классиков. Но эти советские повести, типа «О суровом друге», «Заводские будни», «Справедливость профработника», до сих пор, наверное, имеют влияние на содержание моего лексикона и моменты политической избирательности...

Одним из моих любимых «чтив» являлась БМЭ (Большая медицинская энциклопедия). Бабушка была медработником, и эта книжка всегда находилась в открытом для меня доступе. Моя мама тогда училась в университете, и я как сейчас помню её голос: «Мама! Отбери у него эти энциклопедии! Он там опять всякие заражённые письки рассматривает!». И бабушка с восклицанием: «А н-н-ну-ка!» забирала и ставила книжку высоко на полку. Но рассматривал я не

только письки. Я ведь был человеком читающим! И я изучал болезни, синдромы, вскрытия, принятие родов и прочее... Однажды, придя из детского сада, я сообщил бабушке, что у одного мальчика сифилис...

– Не сифилис, а сифилис, – поправила меня бабушка, проглаживая утюгом бельё. – Какой сифилис?! – встрепенулась вдруг она. – Ты что?!

– А что? – парировал я. – На губе же выскакивает болячка, когда сифилис у человека?

– Не сифилис, а сифилис! Ты чего?! Какой сифилис?

На следующий день бабушка сопровождала меня в детский сад. Конечно, у мальчика была обычная простуда... Герпес. И сифилитичных синдромов у него не наблюдалось. С тех пор бабушка надёжнее прятала БМЭ, и это было обидно.

Как я уже ранее упоминал, бабушка моя была женщиной очень ухоженной, чистоплотной, и принципиальные взгляды её на этих критериях в основном и зиждились. Что же вы хотите – медицинский работник с огромным стажем!

Мне часто приходилось слышать от неё: «Не смей с земли ничего поднимать! Харчки сопливые высыхают, и инфекция различная разносится!» И правда... Само словосочетание «сопливые харчки» вызывало ужас и омерзение в моём детском рассудке, да и на вид, честно признаться, эти безобразия не пробуждали во мне особого эстетического удовольствия, скорее наоборот – вызывали стойкое отвращение... На харчки я не наступал и всячески их обходил, пока они

(не приведи Господь!) ненароком не высохли. Дедушка мой тоже порой говаривал, что, дескать, ежели я прилично вести себя не буду и учиться на пятёрки не соизволю, то не миновать мне участи харчки эти подметать и всячески утилизировать.

В один прекрасный день бабушка, позвав меня к обеду, вручив ложку, вдруг сказала: «Давай, бери хлеб и ешь быстро суп харчо». Можете представить, как у трехлетнего мальчика всё словно оборвалось внутри! И, бросив ложку, с глазами, полными слёз, с трясущимися губами я вымолвил:

– Сама ешь своё харчо! – И после всего этого трёхдневный пост вдруг появился в моей (в то время) праведной жизни.

Цокая по тротуару каблучками, плывёт подтянутая, симпатичная женщина – моя бабушка. Рядом иду я.

Мне уже почти четыре года (можно сказать, мужчина). В одной руке у меня воздушный шарик, в другой мороженка – эскимо, которое я с благоговением «насусливаю». Кусать нельзя! Таков бабушкин наказ. Сегодня выходной, и мы, видите ли, гуляем.

Сентябрьское ласковое солнышко, синее глубокое небо, нежный ветерок, ласкающий уже разноцветную листву, аромат яблок, пряностей, шарик и мороженка наполняют счастьем мою детскую душу и отражаются в блаженствующей улыбке моей физиономии. Мы идём мимо базара, и обилие красок, звуков, запахов умиляет и восторгает меня. Мы ненадолго зашли на базар, купить бабушке какую-то ткань

и нитки.

– Теперь домой? – спрашиваю я.

– Да, – отвечает бабушка. – Только зайдём на минутку к сапожнику.

Я останавливаюсь на месте как вкопанный и, глядя на бабушку из-под бровей, уверенно отвечаю:

– Нет... К сапожнику не пойдём.

– Ты чего? – удивляется бабушка и хочет взять меня за руку.

– Не-е-ет! – кричу я, выпуская шарик и роняя на асфальт мороженку.

– Почему? Да что с тобой? Давай руку!

– Не-е-е-е-ет! – ору я на весь базар, усаживаюсь на задницу и пытаюсь руками удержаться за землю.

– Да что это за фортели такие?! А ну-ка! – строго говорит бабушка, стараясь меня поднять.

– Не-е-е-ет! – воплю я, и плечи мои содрогаются от рыданий. – Боже! За что мне всё это?! – кричу я, размазывая по щекам горькие слёзы.

К нам подходит милиционер, учтиво осведомляясь о причине истерики. Бабушка не менее учтиво объясняет, кто она и что происходит. Вот упёрся, понимаете, не хочет к сапожнику идти.

– Не-е-е-ет! Не-е-ет! – ору я. – Дяденька! Спасите! Помогите! Она хочет отдать меня сапожнику!

В лёгком недоумении милиционер советует нам покинуть

базарную площадь и уже сам, взяв меня за руку, сопровождает нас. Ещё долгое время я с недоверием взираю на пожилающую плечами бабушку и озираюсь по сторонам. Но на следующий день всё забывается, и жизнь моя налаживается.

Что же явилось причиной этого, на первый взгляд странного происшествия, спросите вы? А всё очень даже просто... Причиной тому была элементарная сила слова! Ведь мы порой даже не задумываемся, произнося различные слова и выражения. Так вот и бабушка, погружённая в будничную и житейскую суету, не замечала, как детский мозг, словно губка, впитывал такие фразы, как, например: «грязный, как сапожник», «ругаешься, как сапожник», «воняет, как от сапожника», «злой, как сапожник», «пьяный, как сапожник», ну и прочие... Естественно, сапожник приобрёл самую что ни на есть дурную репутацию в моём понимании. А это восклицание: «Боже! Да за что мне всё это?!», которое я выкрикнул, вылетало из бабушкиных уст, когда ненароком она ранила палец, чистя, например, картошку, ударялась мизинцем ноги об угол, разбивала чашку или когда я нечаянно обкакивался...

Конечно, это запомнилось. И до сих пор является незаменимым выражением моих каких бы то ни было стенаний и терзаний...

Слово – явление очень серьёзное! Словом можно ободрить, обласкать, вылечить и даже воскресить. Но можно унижить, уничтожить, убить. Слово имеет вес, и взвешивать его

необходимо. Слово – это величайшее изобретение Божие.
Говорите добрые слова! И всем будет ХО-РО-ШО!

Рассказы

Эпоха вечного лета

1

Моя мама рассказывала, что, когда я родился, я был невероятно красив. Хм... Ярок – это да! Но так, чтобы красив?! Фотографические снимки того времени указывают, что я был толстоват, щекаст, глазаст, губаст, волосат. И вообще, родился я с бакенбардами. Не с такими, конечно, как у Пушкина, но всё же. За сорок лет я почти не изменился, разве что бакенбард не ношу, дабы окончательно не разочаровать окружающих. Ибо бакенбарды в наше время на моей хомячьей физиономии, несомненно, смотрелись бы отвратительно.

Совсем другое дело моя сестрёнка, которая появилась на свет в заключительный период моего младенчества. На тот момент мне было шесть лет и десять месяцев. Нарекли её Женечкой. Это сейчас она красивая, интересная, обаятельная. Как сказали бы в царской России – СУДАРЫНЯ. А тогда! О, это было нечто! Сидя по-турецки в манежике, вце-

пившись в деревянные прутья, зыряка бесцветными глазками и выдвинув нижнюю челюсть вперёд, угрожающе взирало на свет совершенно лысое, лишённое бровей и ресниц, время от времени что-то не совсем внятно вякающее «моё сестрёнко».

Ранее всякого рода младенцев так близко лицезреть мне не доводилось, и сомнения мои касательно её умственных способностей подтверждались пусть не ежечасно, но ежедневно как минимум. Глупа и нелепа она была до безобразия! (Так мне тогда казалось!) Мне, семилетнему интеллектуалу, непонятны были все её игрища. Она верещала, просила погремушку, якобы выпавшую из манежика. А когда я подавал ей игрушку, то, по её логике, беззубая улыбка и хриплый вопль победителя должны были вызывать во мне чувство умиления. Однако я был последователен, логичен и умиления не испытывал. Стоило мне куда-либо отойти или отвернуться, погремушка вновь якобы случайно оказывалась на полу, и всё начиналось сначала. В те дни одна мысль читалась на моём угрюмом лице: «Глупое животное». Чтобы прекратить её макакоподобное развлечение, мне всегда жутко хотелось напугать. Надеть наизнанку шубу, меховую лохматую шапку, подползти к манежику и с рёвом медведя внезапно выскочить. Но гуманные соображения мои строились на осознании невменяемости и без того несчастного ребёнка, на вероятности её ещё слабого сердца и на возможности очень щедро огрести от бабушки мокрым полотенцем за

такой спектакль.

Мама работала, бабушка возилась у плиты или стирала (ведь подгузников в то время не было), а я был вынужден развлекать Женечку таким образом ежедневно и еженедельно, пока она не научилась наконец-то ходить и выкарабкиваться из манежика. Так началась эпоха нашего совместного сосуществования. Эффект Каина и Авеля, конечно, имел место в нашем быту. Зависть первое время точила моё сознание. Но всё аккуратно проанализировав, взвесив и сравнив, я понял, что преимущество на моей стороне. А мой жизненный опыт и возможность манипулировать открывают передо мной доселе неведомые возможности.

Итак, бандитская группировка из двух человек (в простонародье именуемая шайкой), где главарём являлся, естественно, я, а исполнительным директором – Женечка, была успешно учреждена мною и вышла на большую дорогу! О, это был союз крепкий и нерушимый. Я был уверен, что под любыми пытками мой подельник никогда не выдаст и не продаст любимого главаря. Мой исполнительный директор был до фанатизма предан мне и настолько же исполнителен. А вот что этому поспособствовало...

Когда мне было десять лет (Женечке шёл, соответственно, четвёртый год), наша бабушка вдруг стала православной. Её, конечно, крестили в младенчестве, но юность и зрелые годы нашей бабушки выпали на период советской власти, которая негативно относилась к любому проявлению религиозности.

Шёл 1989 год, два года оставалось до развала славной советской империи. Народ, вероятно, чувствовал это. «Перемены требуют наши сердца», – заявлял великий Виктор Цой с экрана телевизора. Появлялись новые слова, музыка, фильмы. Много возникало в то время того, чего раньше не существовало, но и исчезало навсегда то, чего тогда, возможно, было и не жаль, однако о чём после приятно оказалось ностальгировать.

Многие тогда ринулись в церковь. Нет, не потому, что это стало вдруг модным, а потому, что советская идеология изживала себя и вера в «светлое будущее» угасала. Человеку же свойственно и необходимо во что-то верить, пусть даже в то, что Бога нет, но верить! Альтернативой для многих стала церковь. Православная – как отождествление утерянной русскости – и множество других церквей, так же с чем-то подобным себя отождествляющих. В те годы нам с сестрёнкой совершенно «фиолетовы» были такие рассуждения, однако весьма утомительным оказалось для нас бабушкино православие. Стены нашей квартиры запестрели вдруг иконами, иконками и иконочками. Священными также считались вырезанные из журналов виды церквей и монастырей. Любимым бабушкиным занятием стало *изгнание бесов*. Ежедневно теперь жилище наше окроплялось святой водой и окуривалось дешёвым, удушливым ладаном. Каждый уголок квартиры, включая места отхожие, балконы, ниши, освящались таким вот образом. За неимением специальных углей ладан

раскуривали, а точнее, плавил в алюминиевой кастрюле на газовой плите. Дым коромыслом и вонища стояли такие, что пару раз приходили соседи, а бабушка, разумеется, подробно разъясняла им причину, смысл и пользу проводимого ею обряда, предлагая в их квартирах проделать то же самое. Но интеллигентные соседи, сославшись на недосуг, как правило, пожав плечами, всякий раз тихонечко удалялись.

Не знаю, был ли шанс у бесов, но рыжие тараканы, изволившие по ночам трапезничать на кухне, исчезли бесследно! Ежедневно перед обрядом, в восемь утра, начиналось молитвенное правило. Вычитывались: молитвы утренние, молитвы от осквернения, две кафизмы псалтыря Давида, две кафизмы псалтыря Богородице, помянник, глава из Ветхого Завета, глава из Нового Завета, житие святого по дню и глава из «Добротолюбия». Заканчивалась вся эта мантифолия в час дня. Учился я тогда во вторую смену, и, наверное, та радость, с которой я убегал в школу, сравнима была разве что с походом в луна-парк. Всяческие попытки сократить или увильнуть от молитвенного правила оказывались бессмысленны. Бабушка на тот момент являлась нашим шефом, боссом и настоятелем, посему *отхерачить* (простите) мокрым полотенцем могла очень даже не по-христиански.

Я к тому времени был уже прилично развращён влиянием улицы, а вот моей сестрёнке основы христианской морали и нравственности пришлось впитать в полной мере. Ответственно могу заявить, что Женечка в свои пять была

уже очень набожной и богобоязненной девочкой. На пару с бабушкой они искренне рыдали, когда читали о подвигах и страданиях древних христиан-мучеников, умиляясь победой подвижников веры и благочестия над сатанинскими искушениями. Такие истины, как «с Господом всё возможно», «у Господа мёртвых нет», «на Господа только надейся», «перед Господом все равны» были поняты – они прижились в её тогда ещё детском сознании. Что сказать, Женечка была доброй, наивной и благочестивой. А мне, хитрому засранцу, это как раз и играло на руку. Ведь ябедника можно было сравнить с Иудой, а Иуда Женечке очень уж был омерзителен. Вот в таком ключе, манипулируя её сознанием, я делал Женечку не только свидетелем, но и невольным соучастником всех моих преступлений. Что скрывать, в двенадцать лет я был лживым, пакостным и гадким мальчишкой. Выдумывая очередную выгодную мне гадость – например, воруя что-то из холодильника или ножом выковыривая из копилки мелочь, подобно гласу совести, постоянно слышал я от сестрёнки одну и ту же реплику. Стоя рядом, сложив на груди ручонки, презрительно прищуriv глаза, она тихим надтреснутым голосом уверяла: «Не надо, Максим! Не делай этого! Ведь Гбспод всё видит!» «Гбспод» говорила она с ударением на первую «о». Это смешило меня. «Не ссы, обязательно исповедаюсь», – отвечал я. И в воскресенье бабушка приводила нас в церковь, где я действительно искренне каялся, не сомневаясь, что «Гбспод всё простит».

Привитая бабушкой христианская мораль и... конфеты! Вот всё то, на чём держалось моё могущество! К сладкому я не питал слабости с тех самых пор, как, будучи пятилетним воришкой, стырил из холодильника, проткнул отвёрткой и высосал две банки сгущённого молока. Результат оказался воистину ужасающим. Мне сделалось тогда очень, очень дурно! И даже теперь, вспоминая и описывая это событие, я ощущаю некий дискомфорт в области миндалин. А для сестрёнки моей конфеты и вообще сладкое были второй, если не сказать первой, религией. Бедняжку трясло при одном упоминании о конфетах! Куда только не прятала бабушка сладкое искушение! Какой-то внутренний инстинкт, некое седьмое чувство подсказывало Женечке заветный тайник, при обнаружении которого она, отбросив священный трепет перед мокрым полотенцем, ничтоже сумняшеся тут же, на месте, уничтожала найденный клад.

Как-то накануне светлой Пасхи бабушка напекла куличи и, облив их сверху сахарной глазурью, поставила на подоконник сушиться в надежде, что наутро благочестивый батюшка освятит пасхальную снедь. Услышав утром бабушкину ругань и визг Женечки, я даже не рискнул выйти из комнаты. Бабушку, трепетно ожидающую Светлое Христово Воскресение, наутро встречала на подоконнике толпа уродов-куличей с обгрызенными шляпами и дырами от выковырянного из боков изюма. Я слышал, как с силой захлопнулась входная дверь. Вероятно, бабушка пошла за яйцами, чтобы как-то ре-

анимировать куличи и заново приготовить глазурь. А спустя пару минут в мою комнату вошла Женечка и, размазывая сопли и слёзы, присев на краешек моей кровати, всхлипывая, сообщила: баба сказала, что она – «параша ходячая». Я визжал от смеха, я чуть не описался, катаясь по полу. Я икал и пил воду, потому что такого нелепого и смешного ругательства никогда и ни от кого более не слышал. Но бедную Женечку, конечно же, пожалел.

Со временем бабушкино христианское подвижничество пошло на спад, но тем не менее воцерковленными мы с сестрёнкой считаем себя и по сей день. Бабушка вообще была человеком увлекающимся, и, может быть, не так нелепы были её новшества, как то, с каким рвением она воплощала их в жизнь. Никто из членов семьи не смел ей противоречить, смиренно принимая очередное её какое-нибудь ноу-хау.

Где-то бабушка раздобыла книжку некоего Поля Брэгга под названием Чудо голодания, в которой вышеупомянутый «подвижник» увещевал граждан, что кушать-таки вредно. Надо заметить, что и до этого рацион нашего питания основывался на исключительно *пользительных* продуктах. Также нельзя забывать о постах и постных днях. Потому-то вредоносные конфеты и прятались, а в некоторых случаях даже уничтожались. Так вот... Этот «тоже учёный» уверял, что его система способна избавить обывателя от потребности вообще питаться. Бабушке такая идея очень понравилась! Было принято решение в понедельник вообще ничего не есть,

а пить лишь дистиллированную воду, за которой мне приходилось мотаться в центральную аптеку. Спустя неделю к понедельнику по системе уже примыкал и вторник, потом среда и т. д. Таким вот нехитрым образом прекрасный учёный Поль Брэгг, вероятно, надеялся избавить человечество от привычки питаться. На третью неделю миссию «чудо голодания» решено было продлить до среды включительно.

Каждый раз, приходя из церкви, бабушка приносила просфоры и, чтобы они не испортились, разделяла их на маленькие кусочки, подсушивала в духовке и складывала в ситцевый мешочек. Просфоры надлежало вкушать ежедневно натощак, запивая тремя глоточками святой водички. Это правило не отменялось и в дни «чудоголодания», однако кусочки намеренно предлагались микроскопические. Озлобленный, томимый голодом, я предложил сестрёнке выкрасть заветный мешок. На её мольбы и уверения, что «Господ непременно обидится», я просто плюнул и сам его выкрал. Закрывшись в тёмной ванной, пустив тоненькой струйкой воду для запивания, я стал пожирать вкусные сухари. Через минуту Женечка тоже присоединилась к кощунственному злодеянию. Вездесущая, непрестанно следящая за нами бабушка заподозрила неладное, услышав странную возню, доносящуюся из (ха-ха) запертой изнутри ванной. Но тщетны были её угрозы и заклинания! Мы не открыли нашу кафельную крепость, пока не сожрали всё до крошки. Вину в тот день я героически взял на себя! С той поры и я был причис-

лен к позорному лику «параш ходячих».

Осознав, что к системе голодания мы с Женечкой не совсем готовы, эксперимент бабушка прекратила. Однако спустя пару дней какой-то доброжелатель снабдил бабушку новой литературой, в которой высказывалось не менее убедительное мнение другого учёного. «Целительные клизмы» – так назывались его эпические труды.

«Ох, хорошо-о-о!» – два, а то и три раза на дню слышали мы доносящиеся из туалета одобрительные бабушкины реплики, сопровождаемые мощным журчанием и специфическими звуками, способствующими клизменному опорожнению. Оно и понятно. Женщиной наша бабушка в то время была довольно плотной, если не сказать полной. Разумеется, ей было хорошо! Ведь трёхлитровая кружка старика Эсмар-ха (царствие ему небесное) помимо воды содержала в себе отвары пряных трав, благовонные масла и разные целительные соли, так необходимые для дам пожилых и тучных, в чём нет никакого сомнения! Только вот пятилетняя Женечка, без того по природе своей хрупкая и худенькая, к концу месяца стала почти прозрачна и, лёжа на кровати, болезненно улыбаясь одним уголком рта, походила не на советского закалённого ребёнка, а на умирающую от чахотки девочку викторианской эпохи.

У меня же тогда просто болела задница! Женечку от клизм всё же освободили, зато меня назначили главным составителем целительных клизм. Даже сейчас разбуди меня

ночью – я без запинки перечислю все компоненты оздоровительной клизмы.

Но и это бабушкино увлечение кануло в Лету, уступив место более интересному процессу. «Вон, паразиты!» – так была озаглавлена книжка, которую бабушка зачитала практически до дыр. Боже! Что мы только ни ели – и чеснок на голодный желудок, и марганцовокислый калий вперемешку с томатной пастой, и какие-то перетёртые кости какого-то камышового кота, и даже жир молодого дикобраза. Вот только один вопрос мучает меня по сей день: где? Где доставала в то время наша бабушка всю эту несусветную гадость?! Впрочем, несмотря на все её экзотические увлечения, человеком она была доверчивым и бесхитростным, и обмануть её не составляло труда ни барыгам на рынке, ни сектантам в подъезде. Мне порой кажется, что все эти изыскания являлись следствием её простодушия и наивности. На тот период, наверное, только мы с Женечкой могли быть предметом демонстрации её власти – в силу бесправности своего возраста и вульгарной обусловленности популярной безотцовщины.

Любили ли мы бабушку? Конечно, да! Любила ли она нас? Ну, разумеется! Нашим закалённым организмам, презревшим в детстве и фито-, и глинотерапию, и гомеопатию, и все виды дыхательных гимнастик, и даже лечение прижиганием и радиоволнами, навряд ли страшен теперь какой-то насморк. Правда, в нашей истории был сюжет из этой же серии, который без содрогания вспомнить невозможно.

Опять-таки в очередной раз кто-то из доброжелателей преподнёс бабушке брошюру под названием «Из сосуда своего», автором которой был некто Малахов (не к ночи будь помянут сей индивид). И это «Малахово чтиво» стало её настольной книгой. В ней этот ссс... специалист с пеной у рта доказывал, что ничто так не прекрасно в мире, как... моча!

Он исповедовал пользу уринотерапии. Бабушка читала нам вслух, выписывала и цитировала его изречения. Оставалось нам только взять в руки бубны, натянуть балахоны – и секта была бы готова к всемирной проповеди.

Изучив теорию «золотого сэнсэя» за несколько дней, уверив нас в истинности его святого учения, бабушка незамедлительно перешла к практике. Деда, страдающего ревматизмом и прострелами в пояснице, с утра до вечера натирали уриной. Любые синяки, ссадины, пупыри и бородавки с этой поры лечились только таким способом. Через месяц «сэнсэй» издал новую брошюру, в которой вещал, что самый цимес обретается в моче младенцев и что бессмертие практически гарантировано, если пить этот божественный напиток натошак. Самым младенствующим младенцем в нашей секте была Женечка. «Ура! Вот он! Источник нашего бессмертия!» – говорил бабушкин взгляд, устремлённый на мою сестрёнку. К счастью, по утрам Женечкиного эликсира на всех не хватало, да и я на тот момент к бессмертию не особо стремился. Не скрою, я, конечно, попробовал, но сразу понял, что оставаться смертным намного приятнее.

Наконец вышла третья и последняя брошюра великого маразматика, в которой он рекомендовал усилить целебные свойства урины путём концентрации! Оказалось, что чуть ли не возможность левитации и вечного блаженства унаследуют почитатели этого напитка. Тридцатилитровая бутылка наполнялась в течение недели всеми жителями нашего сумасшедшего дома. И вот настал священный момент концентрации! В огромную кастрюлю было слито всё это *богачество*. Кастрюлю торжественно водрузили на газовую плиту, и действие началось...

Чтобы произвести концентрат, предполагалось упарить это зелье с тридцати литров до пяти. Были открыты настежь все окна, поелику смрад аммиачных испарений не позволял алхимикам не только дышать, но и наблюдать за процессом. Пять часов понадобилось, чтобы получить похожую на кисель тёмную, зловонную жижу. Потолок и стены кухни стали тёмно-коричневого с *продрисью* цвета. Остудив зелье, первым делом бабушка и дед натёрли себе суставы и, сделав компрессы на поясницу, ожидали чуда. Нас с Женечкой не тронули. Мы на тот момент дуэтом блевали. Чудо стало проявляться примерно через четверть часа. Дед начал покрываться пурпурными пятнами, а бабушка – задыхаться. Чудотворцам, можно сказать, повезло, потому что вовремя спохватились и побежали в душ. Иначе отравление токсинами могло проявить себя куда серьёзнее. О! Сюжет!

На следующий день Малахова проклинали, а его труды со-

жгли, рассеяв пепел над Гангом... Шутка. И было бы смешно, если бы не было грустно. Вот так в начале девяностых годов такие Малаховы и иже с ними заработали кучу денег на доверчивости советских граждан, привыкших любить книгу и доверять ей.

2

В городе, а точнее в городской квартире, мы жили не постоянно, а только в то время, когда мне необходимо было посещать среднюю школу. В дни школьных каникул и летом семейство наше обитало в доме, в коем некогда проживал наш прадед (бабушкин отец). Прадед в своё время мирно почил в бозе, и в тот дом переселился наш дед. Жилище это находилось в микрорайоне под названием Горный Гигант. Это довольно большой район поселкового типа в верхней части города, расположившийся у подножия гор, состоящий из обычных саманных, деревянных и кирпичных одноэтажных домов послевоенной постройки. Если летом залезть на местную водонапорную башню и взглянуть на Горный Гигант, то все дома окажутся скрыты в зелёном море шелестящей листвы, колыгаемой нежными потоками чистого горного воздуха. Обилие зелени, цветущих садов и неумолкаемых арыков, несущих хрустальную питьевую прохладу с горных вершин, можно было назвать не чем иным, как Божьим благословением человеку. Летом этот дом с садом и небольшим

огородом для нас с Женечкой становился благим пристанищем. Черешни, сливы, яблоки, вишни и малина (как источник витаминизации) способствовали укреплению наших организмов, а также их полному очищению – в зависимости от степени зрелости всего вышеперечисленного.

Лёгкость в наших телах ощущалась фантастическая и подвигала к приключениям, которым сам чёрт, как говорится, был не брат! Справа от дорожки, ведущей от нашего дома в сад, стоял соседский дом, в котором проживала бабка Лукерья (по бабушке Ивановна). И почему-то окно её располагалось с видом на нашу дорожку. По своему обыкновению, бабка Лукерья просыпалась утром, ставила огромный чайник и, усевшись напротив окна (с видом на нашу территорию), завязав бантиком на лбу платок, «кушала чай». В любое время дня, проходя мимо, можно было видеть, что положение бабки Лукерьи в окне не меняется. И только её двигающаяся нижняя челюсть, перетирающая сушки и баранки, как бы ненавязчиво напоминала о её праве невозмутимого зрителя, удобно устроившегося перед экраном. *Телевизор* бабки Лукерьи показывал один лишь сериал – под названием «Личная жизнь соседей». Дед частенько сетовал на то, что невозможно-де по собственной дорожке пройтись в трусах и почесать лишний раз где вздумается. Что, проходя мимо, невольно приходится раскланиваться. И вообще, он чувствует себя словно козьявка под лупой! Но открыто заявить об этом бабке Лукерье (в силу своей воспитанности)

дед не решался. «Не беда», – подумали мы с Женечкой и решили устранить проблему.

На следующее утро, дождавшись, когда бабка Лукерья приступит к чайной церемонии, мы с Женечкой, подобно бе-сам, выскочили с разных сторон и, повернувшись к её окну спиной, нагнулись, оголив задницы. Потряся ими пару секунд, мы так же быстро испарились. Бабка Лукерья не изменила своего положения, но какой-то блеск недоумения в её глазах уже наблюдался. Через час мы проделали то же самое. В течение всего дня мы только этим и занимались. И каждый раз, исполнив такой трюк перед окном, мы бежали в глубь сада, валялись в высокой траве, визжали и, надеясь не описаться, ухохатывались до колик. Да... Таких научно-публицистических фильмов телевизор этой женщины ещё не показывал! Она, конечно, пожаловалась нашей бабушке, и та нас, разумеется, отчихвостила, но уже на следующий день окно бабки Лукерьи украшала плотная цветастая занавеска.

Как-то в начале лета, то ли из-за цветения тополей, то ли по какой иной причине, сопливость у Женечки внезапно повысилась до безобразия. Четырёхлетний ребёнок захлёбывался-таки собственными соплями. Самые изошрённые бабушкины способы лечения были бессильны. Оставалось разве что сделать клизму Женечке для полного комплекта. Она раз тридцать на дню подходила к бабушке, и та помогала ей высморкаться. Вечером, когда все уже укладывались спать, бабуле вдруг приспичило завести тесто. Мне спать не хоте-

лось, я сидел за столом и, болтая ногами, внимал очередной бабушкиной лекции о пользе алоэ. Женечка вдруг соскочила с кровати, путаясь в ночной рубашке, подбежала к бабушке и молча протянула ей огромный клетчатый, едва не волочащийся по полу дедов носовой платок. Бабушка молча посмотрела на платок, на Женечку и на меня. Женечка держала платок двумя пальцами, на вытянутой руке и молчала. Пауза затягивалась...

– Ну что?! Так трудно сообразить, Максим?! Видишь же, что руки в муке! Помоги ей! Братик называется! – вспылила бабушка. Я брезгливо взял платок и нежно поводил им у Женечки под носом.

– Господи! Да нормально в ладонь возьми... вот. Сморкай! Башку ей не трепыхай! Другой рукой башку придержи! Вот так! Всё! Марш спать!

Этот вечер цинично добавил проблем в мою и без того замороженную жизнь. Высмаркивать Женечку теперь стало моей прямой обязанностью. Впрочем, это было несложно. Голова её находилась на уровне моего пупка, а поступательно-вращательному процессу высмаркивания я обучился довольно быстро. Единственным моим условием было не подходить ко мне, ежели платок уже был в соплях. Женечка разумно разделяла мои взгляды, всякий раз прополаскивала платок и тщательно его отжимала.

В один день, когда дед был на работе, а бабушка мариновалась в бесконечных очередях за продуктами, я и два моих за-

кадычных друга – Серёга и его младший брат Саня, живущие напротив, – решили починить велосипед. Велик был старый. Цепь то и дело слетала. Прочно установив «на рога» железного коня, мы с видом инженеров-рационализаторов искали причину сложнейшей поломки. Обсудив все возможные варианты и сделав только нам одним понятный вывод, мы принялись за починку. Предприятие сопровождалось запахом солидола, постоянным сплёвыванием сквозь зубы и лёгкими полуматерными жаргонизмами.

Женечка играла неподалёку. Жертвой её игры на сей раз стала соседская кошка, которую надо было постоянно кормить из бутылочки, пеленать, укачивать, укладывать спать и катать в игрушечной колясочке. Благо кошка была ласковая, любила, когда её тискали, и роль маленькой *лялечки* оказалась ей не в тягость. Единственной неприятностью в этот прекрасный день и стали Женечкины проклятые сопли. Через каждые десять-пятнадцать минут сестрёнка подходила ко мне, одной рукой укачивая в коляске кошку, а другой волоча мокрый, не до конца отжатый платок, и тоненьким, гнусавым голосом вещала: «Баксиб, Баксиб, у беда сокли». Причем слово «сокли» она произносила противно-протяжным, гнусавым голосом... «Со-о-о-окли». Я мыл под колонкой руки и высмаркивал Женечку. Потом под этой же колонкой Женечка споласкивала платок и удалялась.

Через какое-то время пацаны уже не могли сдерживать смех.

– О, сокли идут! – хихикал Саня, завидя Женечку, волочащую коляску с завёрнутой в полотенце кошкой и с платком на вытянутой руке.

– Чего мы мучаемся, Макс?! Давай соклями смажем цепь, и всё! – подливал масла Серёга.

Мне, по правде сказать, тоже было смешно. И надо же было такому случиться – в тот самый момент, когда я больно прищемил палец пассатижами и, скорчившись, прыгал, подошла Женечка, затянув своё: «У бедя со-о-окли».

– Ах, сокли! Сокли у тебя?! Когда эти твои блядские сокли закончатся?! – взбесился я. И, выхватив платок, стал его топ тать. Рукой, с которой чуть ли не капал солидол, я яростно размазал сопли по всей Женечкиной физиономии. Опустив голову, Женечка постояла какое-то время и тихо побрела в сторону дома, волоча за собой коляску. Когда боль утихла, я вымыл под колонкой руки и лицо, сполоснул поруганный мною платок и пошёл за ней. Женечка, сидя на узкой деревянной лавочке, беззвучно плакала. Рядом с ней безмятежно умывалась ласковая кошка. Я увидел огромные, капающие на её платице слёзы, и мне сделалось так больно, как не было ещё, наверное, никогда.

– Прости меня, Жень... – смог только выдавить я. Женя спрыгнула с лавочки и, уткнувшись лицом мне в живот, обняв меня, заревела уже в голос. Я почувствовал на себе её горячие слёзы. Всю эту боль! Это была боль пошатнувшейся обнадёженности. Мне было страшно. Мы долго стояли так.

И я просил прощения у своей сестрёнки первый раз в жизни.

Прошло пару дней, и всё забылось. На выходные мы с бабушкой поехали в нашу городскую квартиру по случаю какого-то собрания ЖКО. Бабушка взяла меня с собой в качестве тяговой силы. Какие-то банки и бутылки вздумалось ей перетащить из дома в кладовку. Ну да не суть... Когда в понедельник мы вернулись обратно, нас, сходящих с автобуса, заметила Женечка и побежала навстречу. Из обрывков фраз запыхавшейся и радостной Женечки мы поняли, что платок ей больше не нужен.

– Что, сопельки прошли? – умилённо защebetала бабушка. – Да ты ж моя сладкая!

– Да де прошли! – всё так же гундосила Женечка. – Стойте, сботрите, как я убею!

С этими словами Женечка встала напротив и, чуть наклонившись, резко сморкнулась, зажав одну ноздрию пальцем. Сопля смачно шмякнулась на асфальт и застыла.

– Фу, как противно! Фу! Ты же девочка! – простонала бабушка, хватаясь за сердце.

– Дедушка научил! – щербато улыбаясь и уже не гнуся, похвасталась Женечка.

Мы шли по нашей улице, а всеобъемлющее солнце, стоя в зените, блестело в ледниках гор, заставляя шуриться снежных барсов, играло в журчащем хрустале горных рек и отражалось в застывшей Женечкиной сопле на асфальте...

Наш сад открывал уникальные возможности для нас, де-

тей, проживающих большую часть своего времени в каменных джунглях. Шансов выразить нашу молодецкую удаль было множество! Можно было топтать ногами, петь, свистеть, плясать и не бояться соседей, а ещё – питаться плодами, висеть на деревьях, запекать картошку и воровать крыжовник с Лукерьиного участка.

Дразнить и корчить друг другу рожи, а затем, ущипнув или снисходительно похлопав по щёчке, с диким хохотом, в надежде на возмездие, убежать друг от друга – это было нашим обиходным развлечением. Один раз мы слишком заигрались, и это веселье почти превратилось в войну. Мы бегали по саду, пуляя друг в друга огрызками, перезрелыми огурцами и сливами. Раззадорившись и не в силах остановиться, я надербанил колючек репейника и метко запустил их Женечке в волосы, а она, в свою очередь, отхлестала меня неведомой травой – то ли плющом, то ли дикой коноплей, не помню. Военные действия решено было прекратить, ибо плоть моя вдруг покрылась красными пятнами, а Женечка, желая выдрать из волос репейник, ещё сильнее закатала его – так, что у неё началась истерика.

Усевшись за стол переговоров под старой черешней, мы установили, что моя пятнистость – это следствие аллергической реакции на траву, а её волосы нужно срочно спасать. В скором времени должна была приехать бабушка, и необходимо было что-то решить. Возможности вытащить репейник не было никакой. При любой попытке Женечка вопила и

царапалась! Волосы ещё сильнее запутывались. Перспектива, что бабушка, по горячности своего характера, не станет разбираться и распутывать волосы, а просто выдерет их и не спросит фамилии, пугала и меня, и сестрицу. В итоге решено было аккуратно срезать колтуны ножницами, а после по мере возможности прикрыть срезы оставшимися волосами.

Волосы у Женечки были чуть ниже плеч, и надежда как-то скрыть ампутацию всё-таки теплилась. Колтунов было три: на лобной части, на темечке и на затылке. За несколько минут операция по удалению репейника была завершена. Попытки прикрыть залысины провалились. Женечка была похожа теперь на маленького папу Карло, но страх предстоящей расплаты за содеянное шутить на эту тему не позволял. От колтунов – как от обличающих моё злодеяние фактов – решено было избавиться, бросив их за холодильник. Оставалось только ждать...

Невероятно, но бабушка приехала в хорошем расположении духа. Канун праздника Преображения подвигал её к добродетели. Покраснение моего тела и физиономии я обосновал поеданием незрелых ягод, за что получил таблетку димедрола и удостоился окропления святой водой. А Женечкина легенда вещала о моей смекалке и отваге, не позволившим малышке прозябнуть в объятиях коварного репейника, в который, совершенно случайно, она прилегла отдохнуть. Женечку на следующий день постригли, а деду даны были указания изничтожить коварный репейник – дабы «де-

тям было где играть»...

Недели две спустя, ранним утром, бабушкин внезапный вскрик заставил всех проснуться. Оказалось, что, пока все спали, бабушка испекла блины и решила навести на кухне порядок. Выметая сор из-под холодильника, бабушка извлекла на свет Божий трёх волосатых монстров, которые её так испугали. Резво соскочив с кровати, я героически собрал в газету жутких чудищ и, убедив бабушку, что они уже дохлые, вынес и с достоинством победителя выбросил их в огород к Лукерье! За завтраком я строил гипотезы и уверял бабулю, что это было семейство самых обычных диких длинношёрстных хомяков, которое трагически подошло в результате удара током, неаккуратно прикоснувшись к системе электроснабжения холодильника. На вопрос, как они попали в дом, внятного ответа я так и не дал.

На праздники бабушка и дед позволяли себе *немного расслабиться*. Они покупали пару бутылочек портвейна «Талас» и, сидя в саду, тихонечко выпивали. Засим долго рассуждали, вспоминая свою непорочную молодость, и недоумевали, в кого же мы с Женечкой «такие черти» уродились. Вдоволь наговорившись, старики не прочь были вздремнуть на свежем воздухе. Бабушка – на панцирной кровати, установленной под раскидистой грушей, а дед на старом полосатом матрасе, брошенном неподалёку в густую траву.

Уютом и покоем дышал Горный Гигант в майские праздничные дни. То тут, то там пролетала подгоняемая лёгким

ветерком синяя ароматная дымка, сулящая всем ребятишкам угощение в виде чебуреков или шашлыка. Отовсюду доносились смех, звон посуды и иная семейно-бытовая возня. Ближе к вечеру в обнимку с облаками по небу плыли нестройные мелодии застольных песен, в основном почему-то плаксивых. В такие дни дети на улицах блаженствовали. И взрослые, не обременённые обязанностью выходить на следующий день на работу, навещали соседей, обменивались угощениями и, сидя на лавочках, болтали о всяких пустяках.

Местной детворой решено было на поляне печь картошку и жарить колбаски на палочках. Надо отметить, что на праздники это было традиционным ритуалом. Взрослые не осуждали такую затею, а порой и сами присаживались к костерку. На поляне для этого дела был даже устроен этакий очаг – специальная ямка для костра, выложенная изнутри камешками и кирпичами. Все мигом разбежались: кто за картошкой, кто за колбасками, кто за солью. Мы с Женечкой ринулись в наш сад, потому как поджаривать колбаски принято было исключительно на сухих фруктовых веточках. Старики наши, посвистывая, безмятежно дрыхли и видели седьмой сон. Прихватив с собой остатки их трапезы, наломав сухих веток, мы уже было собрались уходить, как вдруг мерзопакостная идея пришла мне в голову.

– Может, выпьем? – предложил я сестрёнке, указывая взглядом на бутылку «Таласа», в которой оставалось чуть больше половины.

– Ты что, дурак, Максим?! Нельзя... Господ очень сильно обидится! – с дрожью в голосе ответила Женечка.

– Хм... На них же не обижаются, – парировал я, показав пальцем на бабушку с дедом.

– Но деду же не шесть лет!

– Ага, и даже не тринадцать, – сострил я и расхохотался. – Короче, ты как хочешь, а я выпью.

Налив себе полстакана, я громко выдохнул и махом проглотил тёплую жижу. Меня передёрнуло, и я, откусив яблоко, победоносно взглянул на Женечку.

– Ну как? Вкусно? – спросила Женечка, скорчив брезгливую мину.

– Нормально! – крикнул я в ответ, чувствуя разливающееся внутри тепло.

– Ну ладно. Я тоже буду! – решила Женечка, пока я догрызал яблоко.

– Молодец, Женька! Настоящий солдат! – Я налил ей полстакана и порекомендовал представить, что это компот, не нюхать и выпить быстро, как лекарство. Женечка опрокинула содержимое, выпучив глаза, застыла на месте. Простояв так секунды три, она широко открыла рот и громко рыгнула. Я дал ей яблоко, и мы побежали на поляну.

Было очень легко и весело. Мальчишки разводили огонь, дети помладше резвились, дурачились, собирали мелкие щепки и ветки для костра. Вечерело. Уже стали поджаривать колбаски, когда я заметил, что Женечки на поляне нет. Я по-

мчался в сад. Дед с бабушкой уже проснулись и ушли в дом. Ужас! Дома сестрёнки не было! Я обыскал все параллельные улочки, все проулки. Женя исчезла! Я бегал, выспрашивал и звал. По спине то и дело носились холодные мурашки. Сердце колотилось даже в ногах. И сам я превратился в одно большое бьющееся сердце. Я представлял себе жуткие картины!

Уже темнело, скоро бабушка должна была позвать нас домой. Я зашёл за ограду и, присев на завалинку, обхватил руками голову. В тот момент я всё был готов отдать, только бы Женечка оказалась рядом.

– Какая же я позорная сволочь! – повторял я вслух всё громче, пытаясь зажать ладонями стучащие виски. Входная дверь вдруг открылась, и жёлтый свет упал на ведущую в сад дорожку.

– Ну где вы там? – строго спросила бабушка. – Давайте живо! Чай, умываться и спать!

– Да, уже идём, – ответил я, не представляя, что сейчас начнётся. Я готов был разрыдаться, когда листы железа, покрывающие крышу, вдруг глухо загудели, и сверху на меня посыпался какой-то мусор. Отскочив, я увидел сидящую на крыше Женечку, которая, зевая и потирая глаза, спросила:

– Максим, а почему ты сволочь?

– Женька! Женька! – заорал я. – Ты что, на крыше? Слазь немедленно! – Я выругался и подставил лестницу.

Наутро Женечка рассказала мне, что прекрасно всё помнит. И как мы пили «Талас», и как играли на поляне, и как

разводили костёр. Потом ей, понимаете ли, ужасно захотелось спать, и, чтоб никто не мешал, она по дереву вскарабкалась на крышу и уснула. На мой вопрос, почему именно на крышу, Женечка пожимала плечами и придурковато улыбалась. Слава Богу, что это приключение закончилось именно так!

3

Мне очень неприятны истории про несчастных, страдающих от чего бы то ни было животных. И это вовсе не по причине некой брезгливости или моей болезненной восприимчивости, а лишь потому, что гнев мой в адрес любителей глумления над бессловесными Божьими созданиями всегда перерастает в бурю эмоций и лавину проклятий! Хочется рвать и метать! Немыслимые по своей природе жесточайшие казни, болезни и неминуемые мучения представляются мне в виде возмездия дерзнувшему намеренно обидеть животное! И так было всегда. Проявление любви и уважения к зверям и птицам с пелёнок привил мне мой дед. Это сейчас, спустя несколько десятков лет, порывы моего негодования, как правило, заканчиваются тахикардией и успокоительными каплями. А ведь тогда моя юношеская горячность однажды чуть было не подвела меня и моего деда под монастырь.

Летние дни, проведённые с дедом, не баловали особым разнообразием. Лопата, грабли, огород, тележки с навозом

и углём, дрова и ненавистные колорадские жуки, несомненно, оправдывали соль пословицы «Готовь сани летом...», а также физически благотворно влияли на развитие моей мускулатуры, выдержки и смекалки.

Жизнерадостность моего деда совершенно не позволяла нам прозябать без дела. Помимо дел ежедневных, касающихся земельно-огородной сферы, деда преследовало чувство постоянной недореализованности в плане усовершенствования комфортабельности жилища и территории, к нему прилегающей.

Будучи рационализатором не только по профессии своей, но и по призванию, рационализировать дед мой прекращал исключительно по выходным и большим праздникам. Пара бутылок портвейна в компании соседа и шашки-рюмашки, как правило, сопутствовали его праздному времяпрепровождению.

В такие дни на правах трезвомыслящего хозяина мне, тринадцатилетнему мужчине, приходилось инспектировать район местной флоры в качестве своевременного полива и фауны – в количестве десяти кур с петухом, двух сторожевых барбосов и кота. Дед, как упоминалось ранее, души не чаял в своих питомцах. И вовремя не накормить их или не убрать за хохлатыми и лохматыми для нас казалось деянием преступным...

Последнее воскресенье бархатного августа – святой для моего деда день, ДЕНЬ ШАХТЁРА. Во второй половине дня

мой дед и живший неподалёку сосед Степаныч, будучи тоже шахтёром (а шахтёров, как известно, бывших не бывает), не нарушая праздничной обрядности, упражнялись в игре в шашки. Я же, не обременённый делами хозяйственными, совершал променады в компании двух джентльменов, развлекая местных дам светскими беседами и игрой в асыки (кости). Ничто, казалось, не могло омрачить нашего приятного мотания, если бы не внезапный душераздирающий визг, услышанный нами со стороны водокачки. Мы помчались на место событий, и открывшаяся нашим взорам картина заставила меня и моих приятелей содрогнуться, а наших дам, не сумевших сдержать вопль ужаса, – бежать прочь от гнусного зрелища!

За водокачкой, суется и хихикая, копошилась шайка малолетних садистов, измывающихся над щенком, привязанным верёвкой за задние лапы и перекинутым ими через перекладину турника. Этот сброд девяти-десятилетних дикарей улюлюкал и вопил, в то время как один из негодяев тупым полотном ножовки по металлу пытался отпилить хвост несчастному созданию. Даже сейчас мне затруднительно припомнить всю последовательность моих деяний, ведь, по всей вероятности, на тот момент я находился в состоянии аффекта.

По рассказам сопровождавших меня, всё произошло быстро и страшно... Сдёрнув со штанов ремень с солдатской бляхой, я умудрился издать ужасающий рёв, тем самым разо-

гнав беснующихся подстрекателей. Освободив щенка, а после изловив главного палача, я связал браконьерскую петлю (необходимо заметить, что накануне этого события дед как раз обучал меня вязать различного вида и назначения петли и узлы), накинул её на запястье мучителя и, перекинув верёвку через турник, приподнял ушлёпка над землёй примерно на метр, зацепив другой конец верёвки за торчащий кусок арматуры...

Рассказывали, что корчащийся от боли малолетний мучитель так верещал, что повредил голосовые связки и пару месяцев изъяснялся шёпотом, но эти подробности я позабыл. Зато я прекрасно помню, как принёс домой маленького собакевича, как меня трясло и как я задыхался от слёз. Помню, что дед со Степанычем, только что начав вторую бутылку партии в шашки, успокаивали меня, и дед, налив мне глоток портвейна, приказал выпить, затем, взяв щенка на руки и осмотрев его, процедил сквозь зубы: «Вот же ж, блядь, фашисты! Мать их за ногу!» Потом вынул из ящика стола опасную бритву и резко полоснул по шкурке, на которой болтался обрывок крохотного хвостика. Вылив пузырёк перекиси на марлю, дед приложил её к ране бедного барбоса.

Не забыть мне пузатого и лысого гаишника дядю Валеру, отца вздёрнутого мной мальчика-колокольчика, который спустя пару часов ворвался к нам в ограду и, брызгая слюной, угрожая серьёзными связями, сулил мне колонию для малолетних, а деду как минимум штраф.

Мой дед был мудр и физическую силу супротив хама не применил, хотя тот его откровенно провоцировал. Однако с некоторыми яркими лингвистическими приёмами не совсем-таки литературных фразеологизмов (которые своевременно дополнял Степаныч) дяде Валере ознакомиться пришлось.

Я бы с радостью пересказал читателю весь смысл взаимодополняющих уверений и пожеланий в адрес папаши отрока-живодёра, но привитая мне дедом порядочность описать сие слово в слово не позволяет. Однако было бы неправильно, если бы некоторая недосказанность зияла брешью в симфонии моего повествования. И если бы я дерзнул озвучить всю полноту этого эпического монолога словами и выражениями, не так ярко порочащими прекрасную русскую словесность, то выглядело бы это примерно так:

«Какого, падшая женщина, мужского начала ты... презерватив штопаный, изволил так нагло и без приглашения явить людям тут свою гомосексуальную физиономию? Содомит, падшая женщина! Ты, падшая женщина, милиционер обнаглевший, заклеивший себя сношениями с заключёнными в острог гражданами! Ты зачем пришёл, сука?! Ты, сука, падшая женщина, крайняя плоть с глазами! Уходи, пока я тебе не помог! Отправляйся в заражённые венерическими заболеваниями интимные места! Гомосексуалист ты пассивный, и сынок твой гомосексуалист фашистского толка! Ступай, контрацептив, да поспедай в женск...»

Стоп! Хватит! Какая мерзость!

(Уникальное явление – русский язык! Вот интересно, мне одному думается, что русский мат по природе своей более деликатен и приятен на слух в некоторых случаях? М-да. Ну да ладно.)

В общем, пока я кормил щенка хлебом, размоченным в молоке, дядя Валера ретировался. Дед и Степаныч какое-то время курили, рассуждали и что-то решали между собой. Потом старики ушли, прихватив портвейн и шашки. Вечером того же дня всех троих участников конфликта можно было наблюдать около водокачки, сидящих на лавочке и рассуждающих о неплототворности дипломатических отношений в среде некоторых политических лидеров.

Гроза, как говорится, блеснув молнией, прошла стороной. Мужики поговорили и мирно разошлись. Наш мученик перестал плакать, наелся и больше напоминал теперь мячик с лапами. Довольный щенок безмятежно дрых в кресле, выпятив белое пузо с розовой пипкой. А я, прослав героем, ещё долгое время не испытывал недостатка во внимании и приятном обхождении со стороны всех барышень, проживающих на нашей улице.

Щенку дали кличку Тюпка, и прожил он с дедом до конца своих дней. Породы он был табуретно-сосисочной, но, как говаривал дед, умнее и преданнее пса он никогда не встречал. Правда, имелась у этого барбоса одна странность, которую среди представителей собачьего народа наблюдать мне

ни разу не доводилось. Этот милый пёс очень любил полакомиться бычками. Нет, не теми бычками, которые в томате, а настоящими, брошенными на землю окурками! Причём окурки он ел исключительно от сигарет без фильтра, так называемых *овальных*. Такие как раз курил мой дед – марки «Полёт». Как-то, сидя с дедом на лавочке, я поинтересовался: отчего, мол, Тюпка окурки лопает только без фильтра? На что мой дед серьёзно и утвердительно ответил, что овальные сигареты гораздо полезнее, и в них, несомненно, намного больше витаминов, нежели в современных сигаретах с фильтром. Не знаю, верна ли была его гипотеза, но мне тогда казалось, что причиной Тюпкиного пагубного пристрастия была травма его тяжёлого детства.

С тем парнем, сыном дяди Валеры, я примирился. Увы, сейчас не припомню ни имени его, ни даже лица. Знаю, что умер он от героина в конце девяностых. Горный Гигант, каким он был и каким я вижу его иногда во снах, снесло, стёрло, окунуло в Лету. Теперь только случайные звуки и запахи заставляют вдруг вздрогнуть и ненадолго мысленно вернуться туда, где до сих пор лето – и как будто бы оно вечное. Туда, куда так хочется опять, но невозможно возвратиться.

Позитивные негативы

Присаживаясь на перевёрнутое ведро, стряхивая с себя пыль и откашливаясь, я смотрю на улицу в небольшое замызганное оконце полуподвального помещения. Вижу ноги прохожих, идущих куда-то по своим делам. Среди строго наглаженных брюк и джинсов то и дело мелькают похожие на солнечных зайчиков белоснежные гольфики в изящных туфельках. Это шагают по улице школьницы, чей искренний восторг объясняется волнующим явлением природы: ВЕСНА! Многим, наверное, известно то головокружительное ощущение счастья, которое зарождается где-то внутри с первой мартовской капелью, затем просыпается, сладко потягиваясь, в апреле и, наконец, в мае – под запах грозы – вырывается наружу, взрываясь и искрясь на солнце каплями игристого, пьянящего чувства.

Я радуюсь за них и радуюсь вместе с ними, сидя в сыром подвале, собирая в мусорные пакеты ценное барахло, в течение долгих лет накапливаемое моими недалёкими предками. И если бы не это объявление, составленное в строгой, почти угрожающей форме, где «до 27 мая жильцам убедительно предлагается очистить подвальные помещения во избежание конфликтов между жильцами в связи с модернизацией подвальных помещений» (бред какой-то), я бы ни за какие коврижки не стал бы в эти весенние дни вдыхать пыль

веков, перебирая полуистлевшие тряпочки и бумажечки. Но чего не сделаешь во имя модернизации и во избежание конфликтов!

Старые лыжи, пробитые кастрюли, кипы газет, прожжённые штаны, клюшки, поломанные утюги, швабры, фотоувеличители и десятки килограммов когда-то, наверное, приобретённых по благу, но уже испортившихся фотореактивов теперь носят характерное и смешное название – *тряхомудия*.

Уже почти четыре часа ощущая себя археологом, я рассуждаю сам с собой, злюсь и не могу найти ответ на таинственную загадку – почему сразу нельзя было всё это вынести на помойку, ё-моё?! Обливаясь потом, крича и упираясь ногой в полочную стойку, я пытаюсь вытянуть остатки ламповой радиолы, но слышу треск и, чихая от пыли, уже лежу, заваленный коробками, мешками и старыми чемоданами.

Нелестно отзываясь о модернизации подвальных помещений, разгребая узлы и тюки, я пытаюсь присесть на чемодан, который трещит подо мной и разваливается, рассыпая вокруг меня всё содержимое. В треснутом шифоньерном зеркале я вижу своё отражение – взлохмаченного мужчину с физиономией только что закончившего смену шахтёра. Он улыбается мне, а я ему.

Желание поскорей уйти домой и принять душ куда-то пропадает, когда я вдруг обнаруживаю свои школьные тетрадки, дневники и альбомы для рисования, которые разбросал вокруг меня внезапно треснувший чемодан.

Не знаю, практикуется ли это сейчас в современных школах, но в моём дневнике среди прочих дисциплин отмечались оценками прилежание и поведение ученика – и даже выставлялись годовые отчёты.

Казалось бы, поведение и прилежание должны оцениваться как общие качества, а не нет. В моём, например, случае по поведению стояла тройка, а прилежание оценивалось аж на четыре балла. И мне всегда смешно представлялся школьник, ПОВЕДЕНИЕ которого просто ужасает – он вспыльчив, драчлив, подкладывает учителям кнопки на стул, отбирает у первоклашек булочки и кефир, он курит и нецензурно красноречив. Однако ПРИЛЕЖАНИЕ его оценивается на пятёрку – он идеально чист, выглажен, причёсан, опрятен. Его ботиночки блестят, воротничок светится белизной, а его маникюрные пальчики аккуратно раскладывают на парте школьные принадлежности, он любит учиться, он отличник!

Или напротив – всклокоченный, помятый, с вечно грязными руками ученик, у которого пахнет из ушей, который то и дело грызёт карандаши и подрисовывает ими же в учебниках усы, рога и фингалы великим деятелям науки и культуры. Он двоечник и лентяй. Но его идеальное ПОВЕДЕНИЕ приводит в неопиcуемый восторг всех окружающих – он вежлив, учтив, переводит через дорогу бабушек, он обходителен и уравновешен.

Мне даже страшно было себе представить такие противоречия в одном человеке. Однако строгая советская школа

почему-то чётко разделяла эти две дисциплины. Вероятно, для того, чтобы заранее как-то определять будущих шизофреников и параноиков. Наверное, так!

Рассматривая свои дневники и тетрадки, я вспоминаю, как в третьем классе мне посчастливилось быть свидетелем истинного проявления высочайшего прилежания девочки, которая сидела со мной за одной партой... Таня... вся такая ухоженная, беленькая. С бантиками в косичках и рюшечками на запястьях. Два или три раза в течение учебного года все ученики начальных классов были обязаны проходить медосмотр, который в школе, собственно, и устраивался. Необходимо было приносить анализы, которые в жидком виде приносили в маленьких баночках из-под майонеза, и в спичечных коробочках, если дело касалось анализов относительно твёрдых видов. На баночку и коробочку наклеивались ярлычки с указанием данных владельца, после чего всё это хозяйство тщательно заворачивалось в газету и на большой перемене, по команде классного руководителя, сдавалось в медпункт лично в руки лаборанту дяде Павлику.

Услышав свою фамилию, зайдя в кабинет и распаковывая газетный свёрток, я меланхолично взирал на невысокий столик, уставленный баночками, содержащими обильное разнообразие всех солнечных оттенков, и коробочками с надписью «120 штук».

И тут моё внимание привлекла одна баночка, обёрнутая в блестящую цветную бумагу с розовой, завязанной банти-

ком тесёмочкой, и такая же коробочка, оформленная словно новогодний подарок, с нарисованными сердечками и цветочками. На ней, написанная разноцветными фломастерами (каждая буква другим), красовалась фамилия моей соседки по парте. Объяснялось ли это избытком её прилежания или желанием быть очаровательно-загадочной, не знаю, но на меня это не произвело особого впечатления. Однако мой школьный друг Ваня Кошкин после уроков признался мне, что влюблён в эту девочку, как он выразился, «навсегда и БЕЗОТВРАТНО». Все мои доводы, что в блестящей коробочке лежит отнюдь не мармелад и не монпансье и что она просто дура, были напрасны и бессмысленны. Он любил и страдал!

А эта девочка стала основоположницей новой моды, потому как с тех пор все дети, даже включая самых *неприлежных*, начали усердно оформлять свои баночки и коробочки. С каким-то азартным ажиотажем проявлялось это народное творчество. Стали даже определяться стили и темы этого нового искусства, делая тем самым чуть прекраснее и веселее серые будни нашего лаборанта дяди Павлика.

Из-за всех этих воспоминаний мне делается весело и легко, и я даже не замечаю, как подвальное помещение постепенно принимает опрятный вид. Я распахиваю по мешкам почиканные молюю предметы гардероба и присаживаюсь перекурить. Листаю свой школьный дневник, в котором красной пастой (с тремя восклицательными знаками в конце

предложения) моим родителям срочно предлагается посетить кабинет директора по причине моего вопиющего вранья.

И вновь!.. Начало мая. Полная грудь весны. Я оканчиваю шестой класс. В накрахмаленной рубашечке и отутюженных брючках собираюсь в школу на экзамен, который принимает представитель района. Я очень взволнован, ответственен и намерен назло врагам сдать этот экзамен – ведь впереди яркое, зелёное, пахнущее костром моё долгожданное лето.

Я несусь по лестничной клетке, впопыхах забыв зашнуровать ботинок. Выбегаю во двор, наступив на шнурок, спотыкаюсь и приземляюсь в огромную грязную лужу... По щекам текут слёзы досады, и, размазывая их, я поднимаюсь домой. Переодеть штаны не представляется возможным, потому как оставшиеся две пары, замоченные ещё со вчерашнего вечера, лежат в тазу.

– Не беда, – говорит дедушка. Уходит и возвращается через пять минут, держа в руках какое-то подобие штанов булыжно-оранжевого цвета.

– Одевай без разговоров! Экзамены – дело сурьёзное! – строго говорит дед.

– Да как же... они же... я же... – лепечу я в растерянности.

– Не рассуждать! – командует дед. – Отличные штаны! Не с голой ведь ж... Марш в школу!

Не имея времени дискутировать, я ныряю в эти штаны – и, о Боже! Это ведь кавалерийские галифе с кожаной встав-

кой, причём взрослые, но ушитые и подрубленные. Когда-то давно бабушка перешла их на моего дядю, который был тогда моего возраста. И вот теперь они достались мне.

По причине важности экзамена, уже опаздывая, бегу что есть сил, ловя на себе удивлённые взгляды прохожих. «Чихать! – повторяю я про себя. – Хорошие военные штаны. Я ж не с голой ж...»

В коридоре ни души. «Тихо, идёт экзамен!». Я робко стучу в дверь, захожу в класс. На доске мелом обозначена тема изложения: «Жизнь прекрасна!». За столом рядом с нашим учителем сидит пожилой строгий мужчина в огромных роговых очках, и по его сжатым в куриную гузку губам и маленьким глазкам сразу становится понятно, что жизнь представителей районо отнюдь не прекрасна.

Неловкая пауза, и... хохот. Истерический смех всего класса заставляет содрогнуться стены родной школы. Да что и говорить, я сам, наверное, помер бы со смеху, увидев такое чудище – в пиджачке, белой рубашечке, с пионерским галстуком и в нелепых по цвету и форме штанах-шарах, название которых к тому времени архаизмом изредка встречалось где-то в учебниках истории.

– Тихо! Тихо! – кричит представитель районо. – Это же...
э-э-э...

– Савельев! – называю я свою фамилию.

– Вот именно! – говорит строгий мужчина. – Савельев. Что тут смешного? Человек обучается навыкам верховой ез-

ды. И, между прочим, они с моим внуком вместе посещают училище имени товарища Будённого. Просто у них сегодня тоже экзамен, и он не успел переодеться. Так ведь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.